

УДК 165.15

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

О нормативных следствиях одной импликации

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предложена и обоснована трактовка принципа «долженствование предполагает возможность» как нормативной дилеммы применительно к эпистемическим и моральным обязательствам. Показано, что стандартная интерпретация этого принципа в виде контрапозиции не является единственно возможной или эвристически интересной. На примере обязательств и действий разных типов продемонстрированы варианты переноса акцента с модальности возможности на модальность долженствования, что позволяет объяснить ряд действий, традиционно мало рассматриваемых в моральной теории. Такой подход позволяет и лучше понять связи между императивами моральными и эпистемическими.

Ключевые слова

долженствование, возможность, рациональность, нормативность, обязательства, принцип «долженствование предполагает возможность»

Для цитирования

Шевченко А. А. О нормативных следствиях одной импликации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 29–40. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

© А. А. Шевченко, 2019

On Normative Consequences of One Implication

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper treats the “ought implies can” principle as a normative dilemma in relation to epistemic and moral obligations. It shows that the standard interpretation of this principle as a contraposition is not the only possible one or heuristically interesting. The author draws on the examples of obligations and actions of different types to show how it is possible to shift the focus from the modality of possibility to the modality of obligation. It allows to explain a number of actions not adequately described in traditional moral theory. It also helps to understand the links between moral and epistemic imperatives.

Keywords

obligation, possibility, rationality, normativity, duty, “ought implies can” principle

For citation

Shevchenko A. A. On Normative Consequences of One Implication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

Принцип “ought implies can” – «долженствование предполагает возможность», или «должен – значит можешь» – соединяет наши обязательства и возможности и на первый взгляд выглядит достаточно тривиально. Сама идея выражена уже в максиме римского права “impossibilium nulla obligatio est” (невозможное не может быть долгом), но в современных текстах авторство этого принципа часто приписывают Канту, в трудах которого хотя и отсутствует именно такая формулировка принципа, однако неоднократно встречается прямое сопоставление должного и возможного, например: «В самом деле, если моральный закон повелевает, что мы должны теперь быть лучше, то отсюда неизбежно следует, что нам необходимо и мочь это» [Кант, 1996. С. 296]. Еще не так давно казавшийся аксиомой, этот принцип в последнее время вновь вызывает философские споры. Дело в том, что тривиален он только в тех очевидных случаях, когда речь идет о логической или физической невозможности. Например, нельзя требовать от че-

ловека нарисовать круглый квадрат или прыгнуть выше головы. Однако если речь идет о менее ясных ситуациях, в которых пространства возможного и невозможного не так очевидны, то этот принцип уже допускает различные трактовки. Так, видна его проблематичность при анализе моральных обязательств, о чем подробнее пойдет речь ниже. Но кроме моральных контекстов проблематичен он, например, и при трактовке юридических норм. Анализ сферы возможного – это фактически требование учета всех эмпирических обстоятельств дела.

Дополнительный интерес к данному принципу вызван и тем, что в последнее время он стал активно обсуждаться не только в сфере моральной теории, но и в эпистемологии, а также в связи с некоторыми проблемами в области философии сознания. Утверждения типа: «Ты должен мне поверить», «В этом невозможно сомневаться», «Этого невозможно не знать» и т. п. выдвинули на первый план вопросы о возможности волевого контроля над нашими докастическими и эпистемическими установками, проблему так называемого «докастического волюнтаризма». Вместе с тем дискуссии в этой сфере показали и возможные связи эпистемологической проблематики с моральной, так как применение данного принципа требует ясного понимания обеих частей импликации – и нашего обязательства, выраженного с помощью “ought”, и сферы возможного, представленной “can”. Проблемы с пониманием антецедента (“ought”) особенно наглядно проявляются в двух случаях: 1) при конфликте моральных обязательств, когда мы должны выполнить каждое из них, но не можем выполнить оба; 2) в случае действий, выходящих за рамки должного (supererogatory actions). Проблемы возникают и с пониманием консеквента “can”, так как не всегда понятно, на что именно мы способны, каковы пределы наших возможностей. В обыденном языке это выражается, например, так: «Наши спортсмены сегодня сделали невозможное». Кроме того, не очень ясно, насколько и как быстро в практических контекстах оправдан переход от «должен – значит можешь» к логическому правильному: «не можешь – значит не должен». Ведь в ряде ситуаций, связанных с тем же спортом или творчеством, где требуются сверхусилия, необходимым условием успеха

являются постоянные и настойчивые попытки именно «прыгнуть выше головы».

Имеются и общие проблемы, связанные с этим принципом. Так, иногда отмечается, что сама зависимость долженствования от возможности позволяет в ряде случаев ослабить наше обязательство или вовсе отказаться от него путем манипуляций с «условиями возможностями». Произвольно меняя некоторые параметры ситуации, мы можем сделать исполнение взятого на себя обязательства невозможным. К примеру, мы берем в долг, растрачиваем деньги и объявляем себя банкротом. «Не могу вернуть долг – значит не должен» выглядит логически верным, но вряд ли прагматически приемлемым.

Еще один аргумент против этого принципа состоит в том, что если понимать его как универсальный, то он может блокировать возможное действие, вместо того, чтобы его требовать или позволять. Например, два человека могут чувствовать себя обязанными взять в жены одну и ту же женщину, имея к тому как все необходимые «условия возможности», так и соответствующие личные обязательства. Но данное действие не может быть совершено ими обоими, не может стать общим императивом. Из невозможности представить его в виде общего принципа можно, как кажется, сделать вывод и о необязательности выполнения обязательства ни одним из них, по формуле – «не можешь – значит не должен». Но в данной ситуации такой вывод был бы очевидно контринтуитивным и просто неверным. Хотя такое действие не может быть выполнено обоими, оно не избавляет каждого из них от обязательства совершить соответствующую попытку. Таким образом, общее решение может состоять в том, что сохранение моральной обязательности в подобных случаях (а также приведенные выше примеры с необходимостью иногда «прыгать выше головы») делает более обоснованной трактовку принципа «должен – значит можешь» как относящегося в первую очередь не к самим действиям, а к попыткам их совершения. Обсуждение данного принципа не в «зоне действий», а в «зоне попыток» имеет, конечно, свои недостатки. Так, не очень понятно, какое количество попыток предполагает императив, как оценивать их на успешность или неуспешность. Кроме того, такой перенос связан и с более прин-

ципиальной трудностью – если мы отказываемся признавать некоторый источник нормативности применительно к действию, то каким образом долженствование возникает применительно к попытке совершения этого действия? Тем не менее такой ход позволяет нам обойти некоторые сложные случаи, связанные с этим принципом и, прежде всего – объяснить его принципиальную нормативную дилемматичность, о которой речь пойдет ниже.

Как уже отмечалось, особый интерес вызывает трактовка принципа применительно к эпистемическим нормам. В этом случае, утверждая, что некий S должен верить, что p , мы имеем в виду, что у S имеется соответствующее эпистемическое обязательство. Соответственно, если мы делаем такое утверждение, мы тем самым подразумеваем, что S способен поверить, что p . И эта эпистемическая способность заключается не просто в наличии естественных «условий возможности», о которых писал Кант: «Конечно, необходимо, чтобы действие, на которое направлено долженствование, было возможно при естественных условиях, но эти условия имеют отношение не к определению самого произволения, а только к действию и результатам произволения в явлении [Кант, 2006. С. 713].

Способность выполнить это эпистемическое обязательство требует не только наличия внешних условий, но и внутренней способности субъекта это сделать. Эта способность предполагает эпистемическую рациональность. Требование эпистемической рациональности – более сильное требование, чем просто нормативность обязательства. Эпистемическая рациональность прежде всего имеет дело с методами и процедурами обоснования, которые позволяют нам получать истинные утверждения о мире. Истина, как исходная цель и главная ценность исследования, обычно принимается здесь по умолчанию. Следует ли из этого, что эпистемически нормативным было бы принимать на веру все истинные и только истинные суждения? В данном случае, очевидно, что такое нормативное требование нарушало бы принцип «должен – значит можешь», поскольку некоторые истинные утверждения настолько сложны, что их субъективно

невозможно принять, кроме того, истинные суждения столь многочисленны, что невозможно принять каждое их них.

Отдельный вопрос, вызывающий споры относительно нормативности такого обязательства – вопрос о том, какие именно верования или мнения могут быть вменены в обязанность эпистемическому субъекту. Одним из важных аспектов, связывающих рациональность и нормативные требования к процессу познания и его элементам, является тот статус, который мы готовы приписать субъекту познания. При оценке некоторого поступка, решения или познавательного действия, возникает вопрос: имеем ли мы в виду реального субъекта, со всеми его когнитивными ограничениями или же субъекта идеализированного, требуя от него выполнения всех нормативных требований в некоторой идеальной ситуации, в которой субъект всегда открыто «действительное положение вещей» в мире?

Принципиален вопрос о том, существуют ли эпистемические обязательства и каким образом они связаны с нашими возможностями? Существует ли особый вид обязательств, требующих от нас принимать или отвергать какие-то утверждения либо же воздерживаться от их оценки? В принципе такие эпистемические обязательства могли бы быть полезны в том смысле, что определяли бы условия, при которых то или иное суждение проходило проверку на истинность или достоверность. Однако проблемой является уже упомянутое отсутствие волевого контроля над нашими доксическими или эпистемическими установками. Рассуждение обычно строится следующим образом: обязательство (императив) такого рода имеет смысл только при наличии возможности добровольного отказа от этого обязательства. Если нам вменяется в обязанность что-то принять на веру, например, то у нас должна быть возможность этого не делать. Однако люди не имеют такого контроля над своими верованиями, мы можем произвольно поверить или не поверить в то, что идет дождь, например, или в то, что нам навстречу движется автомобиль. Такое отсутствие произвольного выбора приводит ряд авторов к выводу о том, что эпистемических обязательств в принципе не существует.

В качестве одной из возможных защитных стратегий самой идеи эпистемического обязательства как императива особого рода можно считать

«ролевую концепцию», в изложении Р. Фельдмана. По его мнению, эпистемические обязательства – такие обязательства, которые мы приобретаем просто с силу того, что занимаем определенную роль, в данном случае – роль доксистического или эпистемического субъекта (believer). Правильное исполнение этой роли требует совершения определенных действий, в данном случае – принятие на веру только того, что подкреплено свидетельствами или фактами.

При этом такие ролевые обязательства эпистемического субъекта отличаются, по его мнению, от «обязательств ответственности». Последнее – это такое обязательство, которое, в случае его неисполнения, делает носителя обязательства достойным порицания. Такие обязательства действительно предполагают волевой контроль субъекта над своими действиями, так как только в этом случае можно возлагать вину за их неисполнение. Эпистемические обязательства – обязательства другого рода, они возникают вследствие того, что субъект исполняет определенную роль или занимает определенное положение. В качестве примеров таких ролевых обязательств Фельдман приводит обязательство родителей заботиться о своих детях, обязательство учителя ясно объяснять материал или обязательство велосипедистов соблюдать правила дорожного движения. В отличие от «обязательств ответственности» ролевые обязательства не предполагают сознательного и волевого контроля. Учитель может оказаться не в состоянии ясно изложить материал, родитель может оказаться неспособным заботиться о ребенке, а велосипедист, в силу различных причин, может быть не способен соблюдать правила дорожного движения. Однако сама невозможность исполнения таких обязательств не избавляет от их наличия. Такое неисполнение лишь влияет на нашу оценку субъекта действия. В подобных случаях мы говорим о плохом родителе, плохом учителе или плохом велосипедисте [Feldman, 2001. P. 87–88]. Трактовка эпистемических обязательств как ролевых предполагает, что мы обязаны выполнять некоторые действия для надлежащего исполнения роли эпистемического субъекта, которыми мы все неизбежно являемся. Эти действия включают,

например, принятие в расчет свидетельств и фактов, а не только предположений или желаний.

Если говорить о роли, которую играет этот принцип в моральной теории, то он обычно используется в качестве самого сильного аргумента в пользу отказа от обязательства. Вообще говоря, отказ от обязательства может быть осуществлен тремя основными способами: 1) в виде объяснения с признанием вины / ответственности. Так, я могу признать, что я виновен в том, что не исполнил обещание встретить вас в аэропорту, объяснив это тем, что проспал; 2) в виде оправдания без признания вины / ответственности. Здесь я могу сослаться на то, что не доехал до аэропорта, так как спасал людей из горящего дома. В данном случае я указываю на то, что у меня возник конфликт обязательств, где новое обязательство было объективно более важным и приоритетным. И, наконец, 3) самый сильный вид отказа от обязательства – указание на невозможность его исполнения. Например, я могу сослаться на то, что ваш рейс был отменен. В данном случае вина / ответственность, конечно, также не признаются.

Но данный принцип играет важную роль и в ситуациях второго типа – при конфликте обязательств, в ситуации моральной дилеммы. Когда речь заходит о моральных дилеммах, возникает вопрос о самой их возможности. Можно ли иметь два конфликтующих, при этом подлинных моральных обязательства, таких, чтобы одно из них блокировало выполнение другого? Если рассматриваемый нами принцип имеет силу, то классические моральные дилеммы становятся невозможными. В случае невозможности выполнения двух обязательств или двух моральных поступков, по крайней мере, один из них не является подлинным обязательством по принципу «не можешь – значит не должен». Один из вариантов сохранить дилемму – отвергнуть сам принцип «должен – значит можешь». Например, в случае добровольно взятых на себя обещаний одновременно выполнить и не выполнить некоторое действие А, можно считать, что противоречивость обещаний и, соответственно, невозможность выполнения обоих не отменяет сразу оба взятых на себя обязательства. Другое решение заключается в том, что мы не отказываемся от принципа «должен – значит

можешь» и делим обязательства на *prima facie* и обязательства «с учетом всех обстоятельств», *ultima facie*, которые противопоставляются друг другу. Обязательства этих двух разных типов конфликтовать между собой не могут, конфликт в таком случае может быть между обязательствами одного типа.

Однако в ситуации моральной дилеммы часто оказывается невозможным дополнить контекст необходимыми обстоятельствами, фактически речь чаще всего идет о конфликте двух обязательств *prima facie*. Одним из классических обязательств такого рода принято считать политическое обязательство соблюдать законы независимо от их содержания. Здесь, конечно, нужно вспомнить диалог «Критон», в котором Сократ впервые привел все основные аргументы в пользу такого поведения. В одной из своих ранних работ Дж. Ролз также приводит этот пример в качестве самоочевидного обязательства *prima facie*: «Я буду предполагать, как нечто, не требующее аргументации, что в обществе, по крайней мере в таком, как наше, имеется моральное обязательство соблюдать закон, хотя оно, конечно, и может, в некоторых случаях, быть преодолено другими, более сильными обязательствами» [Rawls, 1963. Р. 3]. В более общем, несколько более строгом виде обязательство *prima facie* можно определить как «...обязательство выполнить действие *X* если и только если у субъекта *S* имеется моральное основание выполнить *X*, такое что, при отсутствии морального основания, по крайней мере столь же сильного, как основание выполнить *X*, невыполнением *S* действия *X* является неправильным» [Smith, 1973. Р. 951]. Свою основную работу, посвященную анализу обязательств, У. Д. Росс начинает со сравнения двух видов обязательств – *prima facie*, которое он характеризует как «условное», и «собственно обязательства» (*duty proper*), обязательства «действительного». «Я предлагаю использовать (понятия) обязательство *prima facie* или “условное обязательство” для краткого обозначения той характеристики (совершенно отличной от характеристики “собственно обязательства”), которая присуща действию, в силу его принадлежности к определенному типу (например, соблюдение обещания), которое было бы

собственно обязательством, если бы в то же время оно не являлось морально значимым обязательством другого типа» [Ross, 2002. P. 19].

Позднее, в «Основаниях этики» Росс отказывается от термина «обязательство *prima facie*» в пользу термина «ответственность» [Ross, 2000. P. 85]. Преимуществом такой терминологии является то, что понятие ответственности позволяет перейти от характеристики *prima facie* как атрибута обязательства к более важной категории ответственности субъекта за свои действия. Этот переход важен для нашей трактовки рассматриваемого принципа «должен – значит можешь» как нормативной дилеммы. Еще раз повторим, что мы считаем более обоснованным трактовать этот принцип как относящийся не к действиям, а к попыткам их совершения. Нормативной дилеммой тогда становится ответственный выбор субъекта между двумя модальностями – «долженствованием» и «возможностью». В стандартной интерпретации, когда этот принцип используется для отказа от обязательства путем указания на невозможность его исполнения, акцент делается на модальности (не) возможности. В этом случае принцип работает в качестве фильтра, отсеивающего обязательства как не подлежащие исполнению. Альтернативой же является перенос акцента на модальность долженствования. В этом случае мы ищем способы изменения ситуации таким образом, чтобы исполнение обязательства стало возможным, стремясь изменить сами условия возможности.

В моральной теории этот вариант решения дилеммы в первую очередь имеет отношение к действиям, выходящим за рамки общепринятого должного (“*supererogatory actions*”). В статье «Святые и герои» Дж. Урмсон [Urmson, 1958] приводит примеры, ставшие с тех пор хрестоматийными – героический поступок солдата, накрывающего своим телом гранату, спасая тем самым товарищей, и врача, который добровольно отправляется в город, охваченный чумой. Эти действия, которые хотя и очень трудны, но в принципе возможны. Особенность их в том, что ими можно восхищаться, но их нельзя ожидать или требовать. Именно в таких случаях возникает трудность различения нормативного должного и выходящего за рамки долга. Поступки подобного рода фактически можно считать не исполни-

ем готовых деонтологических предписаний, а аксиологическим творчеством конкретного морального субъекта. И это творчество включает в первую очередь переосмысление самой зоны возможного, радикальное расширение ее пределов таким образом, чтобы сделать возможным исполнение должного. В деонтологии же моральные требования и обязанности определены более жестко, часто негативно, и имеют более понятные критерии их соблюдения.

Описанная дилемма имеет и социально-политическое измерение. Так, например, в неидеальных социально-политических условиях, когда гражданские действия могут быть связаны с риском для жизни, исполнение даже самых базовых обязательств может оказаться в сфере «сверхдолжного» из-за высокой цены, связанной с их исполнением. Субъект действия каждый раз сталкивается с нормативной дилеммой: остаться ли верным чувству долга и искать возможности преодоления или расширения «условий возможности», в пределе превращая свой поступок в выходящий за рамки должного? Или же сделать акцент на самих «условиях возможности», используя их неизбежную неполноту как основание для отказа от своих обязанностей и обязательств.

Список литературы / References

- Кант И.** Критика чистого разума. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Kant I.** Kritika chistogo razuma. Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh [Critique of Pure Reason. Collected texts in Russian and German]. Moscow, Nauka, 2006, vol. 2, pt. 1. (in Russ.)
- Кант И.** Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. СПб., 1996. С. 259–424.
- Kant I.** Religiya v predelakh tol'ko razuma [Religion within the limits of reason alone]. In: Kant I. Traktaty. St. Petersburg, 1996, p. 259–424. (in Russ.)

- Feldman R.** Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue. Ed. by Matthias Steup. New York, Oxford, 2001, p. 77–92.
- Rawls J.** Legal obligations and the duty of fair play. In: Law and Philosophy. Ed. by S. Hook. New York Uni. Press, 1963, p. 3–18.
- Ross W. D.** Foundation of Ethics. Oxford Uni. Press, 2000.
- Ross W. D.** The Right and The Good. Ed. by Philip Stratton-Lake. Oxford Uni. Press, 2002.
- Smith M. B. E.** Is There a Prima Facie Obligation to Obey the Law? *The Yale Law Journal*. 1973, vol. 82, no. 5, p. 950–976.
- Urmson J.** Saints and Heroes. In: Essays in Moral Philosophy. Ed. by A. I. Melden. Uni. of Washington Press, 1958, p. 198–216.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru